Проблема военного плена и установление дипломатических отношений между ФРГ и СССР в сентябре 1955 г.

Виноградов Алексей Павлович
Магистрант ЧГУ, г. Череповец
E-mail: petersongarden@yandex.ru

Научный руководитель: **Петелин Борис Валентинович**
Профессор кафедры истории и философии ЧГУ,
г. Череповец

Вторая мировая война была одной из самых страшных страниц истории человечества, которая принесла горе многим народам. Огромное число солдат приняли смерть на поле битвы. Разумеется, были и пленные. Их судьбы сложились по-разному после окончания войны. При этом судьба пленных немцев имеет свой, особый путь.

Из тех из них, кто остался на советской территории к 1955 году, было доподлинно неизвестно, сколько выжило в лагерях; некоторые газеты спекулировали такими цифрами, как 100 000 бывших солдат вермахта, ставших заложниками в «холодной войне». [3, с. 55] Эта проблема вызывала серьезную озабоченность у руководства ФРГ.

Однако не будет преувеличением сказать, что эта же проблема по-своему беспокоила и советское руководство. Хотя в действительности еще до конца 1949 года было репатриировано около двух миллионов военнопленных, оставались и те, кто получил длительные сроки заключения по приговорам советских военных трибуналов либо за совершенные ими в период войны тяжкие преступления, либо за «антисоветскую деятельность». То есть помимо бывших немецких военных на советской территории отбывали приговор и штатские лица.

За первое послевоенное десятилетие сближения между СССР и ФРГ (с 1949 г.) не произошло; не были установлены даже дипломатические отношения. Обе стороны желали изменить такое положение. Первый шаг навстречу был сделан Москвой. 7 июня 1955 г. посольство ФРГ в Париже получило ноту, в которой содержалось приглашение канцлеру Аденауэру посетить советскую столицу. Для кремлевских руководителей центральным вопросом было установление дипломатических отношений с ФРГ. Для канцлера же главными были два вопроса: военнопленные и так называемый «германский вопрос». Их нельзя было решить без помощи СССР и Аденауэр принял это приглашение. Но поскольку, как он отмечал, «германский вопрос» ему, скорее всего, так и не удастся решить в Москве, проблема военнопленных была для него основной.

С ним был солидарен его министр иностранных дел Генрих фон Брентано, который в июне 1955 г. сформулировал свой план визита в СССР достаточно жестко: центральным нужно сделать вопрос о возвращении немецких военнопленных. При согласии на это советского руководства можно пойти и на установление дипломатических отношений. [2, с. 202] При этом канцлер осознавал, что установление с Советским Союзом дипломатических отношений окончательно укрепит раскол двух Германий (ФРГ и ГДР).

При этом обеим сторонам, — и СССР, и ФРГ, — было ясно, что переговоры будут осложнены большими психологическими трудностями, связанными с тенью недавно закончившейся страшной войны.

На первой встрече, 9 сентября, советские руководители высказались за установление дипломатических отношений без всяких условий. Канцлер же сразу поставил во главу угла вопрос

о военнопленных. При этом он заявил: «немыслимо установить „нормальные“ отношения между нашими государствами до тех пор, пока этот вопрос остается нерешенным. Этим я не ставлю какого-либо „предварительного условия“. То, о чем я говорю, и есть сама нормализация». [1, с. 234] Стоит отметить, что некоторый немецкие делегаты предполагали, что кремлевские руководители приняли решение отпустить оставшихся в СССР немцев в любом случае, но на выгодных для себя условиях.

Во второй день переговоров, 10 сентября, Булганин, говоря о поднятом вчера канцлером вопросе о военнопленных, заявил, что их в Советском Союзе нет, что военнопленные немцы освобождены и отправлены на родину, а есть 9626 человек, которые отбывают наказание за преступления в годы войны. Они, говорил Булганин, по заслугам осуждены советским судом и не могут рассматриваться как военнопленные. Обе стороны жестко стояли на своих позициях и не шли на уступки друг другу.

Переговоры, казалось, закончатся безрезультатно, что было видно по результатам их очередного раунда 12 сентября. Однако вечером того же дня в честь немецкой делегации был устроен грандиозный банкет в Георгиевском зале Кремля, где все и решилось. Как только начался прием, Булганин отвел канцлера в сторону и спросил: «Чем же мы закончим наши переговоры?». [1, с. 279] Аденауэр просил Булганина сделать по крайней мере хоть один шаг навстречу и упомянул о письмах примерно от 130 тысяч немцев, которым препятствуют в выезде из Советского Союза. Булганин сказал, что он ничего не знает о существовании этих лиц и не верит во все это. [1, с. 279] В итоге Булганин внес предложение: обмен послами в ответ на освобождение заключенных, но без письменного договора. Канцлер согласился. После приема Аденауэр собрал делегацию и рассказал о достигнутой договоренности. Большая часть его советников в заключительном ночном раунде переговоров высказалась против подобного обмена. При этом дело было вовсе не в недоверии «честному слову», а в отсутствии какого-либо прогресса в «германском вопросе». Брентано, Хальштейн и другие стали призывать канцлера не верить русским на слово и отказаться от установления дипломатических отношений. Они апеллировали к тому, что факт присутствия в Москве двух немецких послов — из ФРГ и ГДР вызовет замешательство среди азиатских и африканских стран и толкнет их на признание ГДР. Тем не менее Аденауэр остался непреклонен.

Позже в беседе с Аденауэром Булганин сказалл, что распорядится немедленно начать передачу указанных 9626 осужденных немцев. В отношении же остальных лиц, которые, по заявлению немецкой делегации, находились в Советском Союзе, он лично попросил, чтобы с их стороны как можно скорее были пересланы необходимые документы. 13 сентября вечером соглашение об установлении дипломатических отношений было подписано.

Первые возвращенцы начали поступать в лагерь Фридланд 7 октября 1955 года. Вслед за ними прибыло около десяти тысяч человек. Из задерживаемых в Советском Союзе штатских лиц в Германию возвратилось впоследствии более 20 тысяч. [1, с. 286] Этот процесс завершился к концу января 1956 года.

Аденауэра критиковали лишь единицы. Например, графини Марион Дёнхоф, которая в статье в газете «Цайт» горько заметила: «Свобода 10 000 немцев бесповоротно закрепила рабство 17 миллионов». [3, с. 57]

После этого визита в Москву рейтинг популярности канцлера поднялся на невероятную высоту. Картины прибытия последних военнопленных и накопительный лагерь Фридланд в сознании населения стали эмоциональной кульминацией эры Аденауэра. [3, с. 57]

Список литературы:

1. Аденауэр К. Воспоминания — М.: Прогресс, 1968. — 294 с.

2. Ежов В.Д. Конрад Аденауэр — немец четырех эпох — М.: Молодая гвардия, 2003. — 311 с.
3. Кнопп Г. История триумфов и ошибок первых лиц ФРГ — М.: АСТ, 2008. — 294 с.